
Ли Ма Ри
За гранью туши и нефрита

Ли Ри
За гранью туши и нефрита

https://litres.ru/75025659
SelfPub; 2026

Аннотация

До трёх часов ночи я рыдала над 214-й главой любимой новеллы. Автор только что сбросил Шэнь Цзюэ — красивого, гордого, непобедимого — в Пропасть Безмолвия: без духовного ядра, без меча, без имени.

И я написала в комментарии: «Я бы пришла, если бы могла».

Глупость, да? Взрослая девушка с красным дипломом и нулевым стажем собирается спасти вымышленного человека.

А потом на бабушкиных антресолях нашлись дневник прабабушки из Харбина и разбитая императорская печать. Та самая, что стирает грань между словом и плотью. Та, что открывает дверь туда, где книги не врут — и где мой герой прямо сейчас лежит на холодных камнях, решая, стоит ли ему открывать глаза завтра.

Мои друзья взяли с собой ящик тушёнки и двадцать тысяч на бензин. По следу осколков уже мчится человек на чёрном «Ленд Крузере» с московскими номерами. А сам роман, похоже, сделает всё, чтобы вышвырнуть меня из своего сюжета.

Но я пришла. Запомните это: я пришла.

Содержание

Глава 1. Наследство с Пушкинской, или Как не упасть со стремянки в другую реальность 4
Глава 2. Ночь, когда пролилась тушь 12
Глава 3. Совет директоров на набережной, или Как продать друзьям безумие 20
Глава 4. Охота на «Авито», или Цифровой след 28
Глава 5. По коням, господа авантюристы! 36
Глава 6. След на «Поле чудес», или Как не заговорить на московском 44
Глава 7. Сундук уехал, камень уплыл 51
Глава 8. Дорожное безумие и тушёнка на капоте 59
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Ли Ма Ри
За гранью туши и нефрита

Глава 1. Наследство с Пушкинской, или Как не упасть со стремянки в другую реальность

К середине июля Ростов-на-Дону плавился. Асфальт на Пушкинской размягчался уже к полудню, липы отдавали в горячий воздух густой медовый запах, а с лотков у Центрального рынка тянуло нагретой черешней. Воробьи сидели в тени фонтана с раскрытыми клювами и не двигались, даже когда совсем рядом проходили люди.

В квартире на третьем этаже старого доходного дома стояла своя жара, тяжёлая и неподвижная. Толстые стены держали прохладу часов до десяти, а потом сдавались, и до самого вечера в комнатах пахло пылью, старым деревом и чужим прошлым. Алина Соколова стояла на третьей ступеньке деревянной стремянки, зажав в зубах край футболки, и тянула с антресолей коробку, которая не желала вылезать.

— Ну ещё немного, — пробормотала она сквозь ткань. — Ещё один рывок, и мы с тобой обе будем свободны.

Стремянка ответила жалобным скрипом, будто ей стало

неловко за хозяйку. Алина упёрлась босой пяткой в перекладину, дёрнула сильнее, и коробка с глухим стуком вывалилась наружу. Через секунду девушка сидела на дубовом паркете, прижимая к груди пыльный трофей и отчаянно чихая.

Квартира досталась ей в апреле, вместе с похоронами, нотариусом и длинным коридором, в котором пришлось подписывать бумаги, не чувствуя под собой ног. Бабушка Вера ушла тихо, во сне, и успела сказать только одно: чтобы Аля не выбрасывала её вещи, пока сама в них не разберётся.

Высокие потолки с трещинами в лепнине, чугунные батареи под окнами, окна во двор-колодец, где с утра до ночи перекликались соседки и дрались коты. Алина любила этот дом с детства. Здесь пахло бабушкиными пирогами и остывшим чаем, здесь её укладывали спать на сундуке у окна, и она слушала, как в подъезде хлопают двери, и думала, что весь мир устроен примерно так же надёжно. Теперь дом молчал. Слишком правильно молчал, как человек, который не хочет мешать.

Она поддела ножницами суровую бечёвку и развернула картонные створки.

Внутри царил музей советского быта: стопки журнала «Работница» за восемьдесят пятый год, связка ключей от замков, которых давно не существовало, пожелтевшие открытки с видами Кисловодска и тяжёлый свёрток в выцветшем синем шёлке.

Алина развернула ткань и замерла.

На коленях у неё лежала шкатулка из тёмного, почти чёрного дерева. По крышке вился тончайший перламутровый узор: дракон, изгибающийся в облаках. Время обошлось с ним безжалостно, часть чешуек осыпалась, а латунный замочек покрылся зелёной патиной. От шкатулки пахло сухим сандалом, старой бумагой и почему-то грозой.

Замок поддался с музыкальным щелчком.

Алина достала толстую тетрадь в потрёпанном кожаном переплёте. На первой странице выцветшими, но всё ещё чёткими чернилами было выведено: «Харбин, октябрь 1924 года».

— Дневник прабабушки Елены, — прошептала она и прижала ладонь к тетради.

В семье о прабабушке говорили вполголоса. После революции она бежала в Китай, жила в русском Харбине, работала в старинной книжной лавке господина Ли, а спустя десять лет вернулась в Советский Союз одна, без гроша за душой, но с таким спокойствием в глазах, будто видела то, после чего любая земная беда кажется мелкой неприятностью. Больше о ней не рассказывали ничего. Алина однажды спросила, почему она вернулась без мужа. Бабушка долго молчала, потом сказала: «Не обо всём, Аля, можно рассказать словами».

Алина осторожно перелистала страницы. Плотные строки, ровный почерк с лёгким наклоном вправо, чернила выцвели до цвета дождливого неба. Последние страницы оказались вырваны с корнем, и на их месте остались зубчатые

края, будто кто-то торопился и рвал через силу.

Под тетрадью, в углублении из вытертого малинового бархата, лежал кусок резного зелёного камня размером со спичечный коробок. Полупрозрачный, глубокого оттенка донской воды в пасмурный день, гладкий, словно обточенный волнами. Сверху камень венчала миниатюрная фигурка сидящего журавля с расправленными крыльями, а сама основа была расколота. По острым сколам было видно: когда-то это была круглая императорская печать, и разбили её намеренно, ударом чего-то тяжёлого.

Алина коснулась прохладного нефрита.

По коже пробежал колючий разряд, как от экрана старого кинескопного телевизора. Камень под пальцами потеплел, и на миг ей показалось, что внутри него кто-то очень медленно вздохнул.

В прихожей дрогнул свет. За окном на секунду стихло всё: соседки за стеной, коты во дворе, даже чей-то телевизор, который обычно бубнил до полуночи. Алина поняла, что не дышит, и отпустила воздух.

«Печать Переплетения судеб», — стояло на развороте дневника. Дальше шли строки на незнакомом ей языке: иероглифы, мелкие, как семена, и между ними знакомые русские буквы, вписанные другим, торопливым почерком.

Сердце споткнулось, а потом забилось чаще.

В памяти всплыл мягкий, чуть хрипловатый голос бабушки Веры. Когда Алина была маленькой и валялась с темпе-

ратурой, бабушка садилась на край кровати, укрывала её колючим пуховым платком и рассказывала сказки. Только не про колобка и не про царевну-лягушку. Бабушка рассказывала, что настоящие истории не придумывают. Они рождаются в соседних мирах, живут там своей жизнью, и у каждой двери есть свой ключ. Если ключ попадёт в руки тому, кому в собственном мире тесно, он сможет шагнуть за книжный переплёт, как в открытую дверь.

— А где его ищут, такой ключ? — спрашивала Алина, шмыгая носом.

— Его не ищут, — отвечала бабушка. — Он сам ждёт.

Потом она уходила на кухню за чаем и долго гремела там посудой, а Алина лежала под платком и представляла дверь посреди книжного шкафа.

Когда она подросла и однажды спросила про тот ключ всерьёз, бабушка улыбнулась и сказала:

— Сказки это всё, Аля. Выдумки для тех, кому в реальности тесно.

Алина усмехнулась, крутя в пальцах тяжёлый фрагмент нефрита. В свои двадцать два она слишком хорошо знала, как устроена реальность: красный диплом дизайнера, который никому не нужен без трёх лет опыта, ночные правки за копейки, сорванные дедлайны и вечное ощущение, что настоящая жизнь застряла где-то в пробке на Ворошиловском мосту и никак не доедет до её адреса.

Отдушиной оставались книги. Особенно одна: популяр-

ная китайская веб-новелла «Пепел белой хризантемы», которую она читала уже полгода и сходила с ума от несправедливости её автора.

Главный герой, заклинатель Шэнь Цзюэ, был горд и сдержан, с глазами цвета ночного неба, и привык, что чужая боль остаётся на нём. Он спасал тех, кто плевал ему в спину, брал на себя вину ордена и молча сносил предательство за предательством, и с каждой главой Алина любила его немного больше, чем позволяют любить выдуманных людей. Вчера ночью вышла новая глава. Шэнь Цзюэ лишили духовного ядра, ложно обвинили в убийстве наставника и сбросили в Пропасть Безмолвия, и автор закончил главу на том, как он лежит на камнях и думает, стоит ли открывать глаза завтра.

Алина проревела над экраном до трёх утра. Потом открыла комментарии, набрала: «Я бы пришла, если бы могла», стёрла, набрала снова и всё-таки отправила. Уснула с телефоном в руке, как подросток.

Телефон на полу завибрировал в тишине прихожей. На экране высветилось сообщение в общем чате с говорящим названием «Отряд самоубийц».

Макс: Народ, вечер пятницы пропадает! Выдвигаемся на набережную, Артём обещал катать на своей ласточке, а я знаю точку с лучшей шаурмой в Ростове.

Дима: Я пас. У меня дедлайн, магнитные бури и острое подозрение на шейный остеохондроз.

Кира: Дима, ты зануда с душой пенсионера. Алина, ты

идёшь? Вылезай из своей пыльной берлоги, я купила новое платье, его должен увидеть весь город!

Алина посмотрела на экран, потом на коллекционное издание первого тома «Пепла белой хризантемы» на тумбочке у зеркала, потом снова на зелёный нефрит в ладони. Камень уже не казался ей холодным. Он лежал в руке тяжело и ровно, как маленькое живое сердце, и Алина поймала себя на том, что прислушивается к нему.

Наверное, просто нагрелся от кожи.

В двадцать два года удобнее верить в тепло кожи, чем в то, что камень слушает.

Она переоделась: джинсы, белая футболка, кеды, а сверху джинсовая куртка, потому что к ночи с Дона всегда тянет ветром. Дневник отправился в рюкзак, осколок печати — во внутренний карман куртки, поближе к руке. Пальцы сами сжались вокруг него, будто прощались.

Алина: Иду. Ждите через двадцать минут у фонтана на Пушкинской.

В дверях она обернулась. Шкатулка осталась лежать на паркете в косом солнечном луче, и пыль кружилась над ней медленно, как в воде. В квартире пахло сандалом и грозой, и этот запах держался, не желая рассеиваться.

Алина погладила дверной косяк, как всегда делала бабушка, и вышла.

В подъезде было прохладно и пахло сырым камнем и чужим супом. Она сбежала по лестнице, толкнула тяжёлую

дверь и очутилась в золотом ростовском вечере, где липы стояли в мёду, у фонтана уже смеялись её друзья, а впереди было восемнадцать минут обычной жизни.

Она ещё не знала, что счёт уже пошёл. И что чернила в старом харбинском дневнике на самом деле не высохли.

Глава 2. Ночь, когда пролилась тушь

К одиннадцати вечер на набережной стал мягче. Жара ушла с асфальта, оставив после себя тёплый запах пыли и лип, и с Дона потянуло сыростью и речной рыбой. Пятеро сидели на каменном парапете у самой воды, свесив ноги, и смотрели, как по чёрной глади ползут огни прогулочных теплоходов.

Макс жевал шаурму и размахивал ею, как дирижёрской палочкой.

— Я вам официально заявляю, — говорил он с набитым ртом. — В этом городе мы тратим свой великий актёрский потенциал впустую. Нам нужен масштаб. Авантюра. Чтобы через сорок лет было что рассказать внукам, а не «я в двадцать шестом успешно закрыл квартальный отчёт».

— Если твоя авантюра снова закончится тем, что мы бежим от сторожа лодочной станции, я выйду из машины на ходу, — отозвался Дима, поправляя очки. — У меня пульс до сих пор не восстановился.

— Зато какие кадры были на закате, — сказала Кира, не поднимая глаз от телефона. Она листала свои фотографии и хмурилась, как человек, которому не нравится решительно всё. — Алин, ты сегодня странная. Весь вечер улыбаешься

в телефон и трогаешь карман. Там миллион долларов или тайный поклонник?

Алина убрала руку от кармана. Камень лежал у бедра, тяжёлый и тёплый, и всё это время вёл себя так, будто прислушивался: то становился ледяным, то начинал ровно пульсировать, и от этой пульсации у неё в груди делалось тесно.

— Нашла сегодня на бабушкиных антресолях семейную реликвию, — сказала она. — Дневник прабабушки из Харбина и кусок старинной китайской печати.

— Антиквариат! — оживился Макс. — Продать можно? Купим Артёму новую резину, а то на следующей кочке оставим глушитель.

— Императорская печать, Макс, — сказала Алина. — Ты мечтаешь слишком скромно. Хватит и на резину, и на «Ниву».

— «Ниву» я сам обслужу, — невозмутимо сказал Артём. Он сидел чуть в стороне, вытянув ноги, и смотрел на воду, но, когда заговорил, Алина почувствовала, что смотрел он не только на воду. — Покажешь завтра? Если вещь старая, её надо чистить осторожно, чтобы не испортить.

— Покажу, — кивнула она и вдруг поняла, что благодарна ему больше, чем умеет сказать. Он не спрашивал лишнего и всегда оказывался там, где нужен.

Кира отложила телефон и придвинулась ближе, поймав её за локоть.

— Алин. Ты правда в порядке? — тихо спросила она,

так, чтобы не слышали остальные. — После бабушки ты какая-то… не здесь.

Алина посмотрела на реку. По воде тянулась длинная золотая дорога от фонарей, и в этой дороге было что-то, от чего щипало глаза.

— Я в порядке, — сказала она. — Просто квартира слишком тихая. Я захожу, и кажется, что кто-то только что вышел из комнаты.

Кира ничего не ответила, только сжала её локоть крепче и отпустила. Дима подал Алине лимонад, и разговор снова покатился в сторону: Макс рассказывал, как на пробах изображал умирающего пирата и уронил бутафорский якорь на ногу режиссёру; Дима доказывал, что магнитные бури напрямую влияют на его дедлайны; Кира клялась, что наденет новое платье только туда, где его оценят.

Алина смеялась вместе со всеми, и всё-таки её тянуло в карман.

Уже за полночь, когда над Доном поднялся ветер и девчонки начали зевать, она достала телефон. На экране висело уведомление: «Пепел белой хризантемы. Глава 214». При друзьях она её не открыла. Не смогла.

Подумала о Шэнь Цзюэ, о том, как он лежит сейчас на камнях в темноте, и рука сама легла на карман. Камень под пальцами был тёплым.

— Ты чего? — спросил Артём.

— Ничего, — сказала Алина. — Домой пора.

В половине второго ночи квартира встретила её густой темнотой и запахом сандала. Алина не стала зажигать верхний свет: включила только настольную лампу с зелёным стеклянным абажуром, скинула кеды и села в кресло у окна, поджав ноги.

В коридоре пахло так же, как в апреле, когда она сюда вошла: старым деревом и чуть кислым от зимних пальто.

На вешалке у двери всё ещё висел бабушкин платок, серый, с бахромой по краю. Алина три месяца собиралась его снять и три месяца забывала.

Она прошла в кухню и налила воды из чайника. В шкафу стояли две чашки: одна с синей каймой, другая с трещиной у ручки.

Бабушка всегда выставляла вторую, даже когда пила одна. Говорила: пусть стоит, вдруг кто зайдёт.

Алина поставила свою на стол и села. Во дворе горел один фонарь, и в его свете было видно, как качается ветка за стеклом.

В доме стояла такая тишина, что слышно было, как гудит в стене вода и как тикают часы в комнате. Часы она не заводила. Они шли сами.

Она сидела и слушала, и ей казалось, что у тишины есть вес. Что она лежит на плечах, как мокрая ткань.

В апреле, после похорон, соседка с первого этажа сказала: «Теперь ты тут одна». Алина тогда кивнула, будто это было про квартиру.

Она натянула на колени свитер со спинки кресла. Свитер был бабушкин, растянутый на локтях, и пах той же шерстью, что в детстве.

Тогда её укладывали на сундуке у окна, и бабушка поправляла одеяло и говорила: спи, я рядом. Алина засыпала и слушала, как в подъезде хлопают двери.

Она допила воду, вымыла свою чашку и вторую не тронула.

На столе лежали две вещи: кожаный дневник прабабушки и коллекционный том «Пепла белой хризантемы» с серебряным тиснением. Между ними Алина положила осколок печати, и в зелёном свете камень вспыхнул глубоким изумрудом, будто впитал в себя лампу.

Она начала с дневника.

Страницы шуршали, как сухие листья. Переезд в Харбин, Китайская улица, работа в книжной лавке господина Ли, снег, который в Харбине лежал до апреля, и чай, который там пили из крошечных чашек, обжигая пальцы. Алина читала быстро, искала знакомые слова и нашла их на странице, подчёркнутой красным карандашом, уже поблёкшим до розового.

«14 ноября 1924 года. Сегодня я впервые увидела, как действует Печать Переплетения. Старый Ли сказал, что её вырезал мастер династии Тан, потерявший возлюбленную, и что она стирает грань между словом и плотью. Цена высока: чтобы дверь открылась, сердце читателя должно болеть

за героя сильнее, чем за собственную жизнь. И печать должна быть целой. Я разбила её на четыре части, когда поняла, что слишком сильно привязалась к тому миру. Одну оставила себе, три спрятала, чтобы больше никогда не поддаться искушению…»

Дальше несколько строк было вымарано так, что остались только бугры высохших чернил.

А на поле страницы, ниже, чужой рукой, твёрдой и без наклона, стояло: «Н. Корсаков. Китайская улица, 14. Просил печать для семейного дела».

Алина прочитала это и не задержалась: фамилия ей ничего не говорила.

Алина не сразу вдохнула. Она отложила дневник, снова взяла, перечитала, закрыла и положила ладони на колени.

— Метафора, — сказала она вслух. Голос в пустой комнате прозвучал глупо. — Прабабушка писала роман в дневнике. Красивую сказку.

Камень на столе не ответил.

Тогда она взяла телефон.

«Пепел белой хризантемы» она читала полгода, и последние главы давались тяжело. Автор вёл Шэнь Цзюэ к гибели медленно и аккуратно, как человека ведут к краю, и Алина давно перестала верить, что автор его спасёт. Она открыла двести четырнадцатую.

Шэнь Цзюэ лежал на ледяных камнях на дне Пропасти Безмолвия. Чёрные одежды пропитались кровью, длинные

волосы разметались по сырой земле, сломанный меч лежал в двух шагах, и у него не хватало сил дотянуться. Наверху, на краю обрыва, смеялись те, кого он защищал всю жизнь.

«Если справедливость стоит так дёшево, — шептали его губы в темноту, — зачем мне открывать глаза завтра?»

Алина читала, и в груди становилось тесно, а потом горячо. Она знала, что это всего лишь текст. Несколько тысяч знаков, которые кто-то набрал в редакторе поздно ночью и, может быть, даже не думал о них, когда ставил точку. Но у неё было чувство, будто за строчками лежит человек, и этот человек сейчас один.

Слёзы скатились по щекам. Она не вытирала их.

— Не смей сдаваться, — прошептала она, прижимая ладонь к экрану, будто через стекло можно было коснуться чужого плеча. — Слышишь? Ты не один. Я бы всё отдала, чтобы быть сейчас рядом.

Стол озарило изумрудным светом.

Алина вскрикнула и отшатнулась. Камень подпрыгнул, на мгновение повис в воздухе, окружённый тонким сиянием, и с глухим стуком упал на коллекционный том. Том раскрылся, камень покатился по странице и остановился у самого корешка. Он был раскалён так, будто его только что вынули из печи.

Она не могла пошевелиться. Из-под острых сколов медленно поползла чёрная тушь. Она не заливала буквы, а текла по полям тонкими ручьями, собираясь в иероглифы, ко-

торых минуту назад здесь не было.

Запахло грозой. И ещё чем-то горьким и сладким сразу, цветущей хризантемой.

Через десять секунд свечение погасло. В комнате стало тихо, только за окном стрекотали цикады.

Алина подняла остывающий камень дрожащими пальцами. На широких белых полях книги чернел влажный оттиск и ровная колонка иероглифов. Она не знала древнекитайского, но в самом низу, под узором, тушь легла понятным рисунком: контур извилистой реки Дон, старая казачья станица в тридцати километрах от Ростова и маленький крестик рядом с резным сундуком.

Она смотрела на это, наверное, целую минуту, и в комнате было слышно, как в подъезде хлопнула дверь и как капает вода в ванной.

Потом Алина взяла телефон и нашла в заметках рецепт из прабабушкиного дневника, тот самый, с киноварью, который переписала от скуки, пока собиралась. Страница с ним была цела.

Сказки бабушки Веры не были выдумкой.

И если она собиралась спасти Шэнь Цзюэ до того, как автор допишет его финал, ей срочно нужна была команда.

Глава 3. Совет директоров на набережной, или Как продать друзьям безумие

К одиннадцати утра в Ростове стояла такая жара, что даже тень под липами на Большой Садовой казалась тёплой, как одеяло. Алина прошла два квартала от дома и поняла, что футболка прилипла к спине. В кофейне у набережной работал кондиционер, и она вошла туда, как в воду.

Она не спала. До пяти утра переводила иероглифы с полей книги через онлайн-переводчик, сверяя каждый знак с прабабушкиным дневником, а потом ещё два часа переписывала карту на лист и придумывала, как рассказать всё это четверым людям, у которых не было ни одной причины ей поверить.

В зеркале в прихожей она увидела человека, который не спал: тени под глазами, искусанные губы, тёмное пятно от туши на указательном пальце.

Она постояла перед зеркалом, держа телефон.

Под главой было четыреста комментариев. Одни писали, что автор садист. Другие, что Шэнь Цзюэ не может умереть, потому что тогда книга потеряет смысл. Третьи просили спойлер.

Алина перечитала своё, отправленное в три ночи, и ей ста-

ло стыдно. «Я бы пришла, если бы могла». Так пишут в пустоту.

Потом она посмотрела на лист с картой и подумала, что через час будет сидеть с друзьями и говорить вслух то, чего сама ещё не понимала.

Пальцы стали холодными.

Она взяла куртку и вышла, и на лестнице её догнал запах сандала из квартиры.

Друзья уже сидели за угловым столом.

— Явление, — провозгласил Макс, отрываясь от меню. — Алин, ты выглядишь так, будто всю ночь разгружала арбузы на Темернике. Что за срочность? Мы с Артёмом собирались менять шаровые.

— Шаровые подождут, — сказала Алина и села. На стол легли кожаный дневник, распечатанный лист с рисунком тушью и нефритовый осколок.

Заминка была короткой, но её заметили все.

Алина положила руки на стол, потому что так они меньше дрожали.

Официантка принесла кофе, которого она не заказывала, и Кира подвинула ей чашку.

— Пей, — сказала она. — Ты сейчас упадёшь.

Кофе был горячий и слишком сладкий, и от него защипало в горле.

Алина смотрела на осколок между дневником и распечаткой и понимала, что обратной дороги нет: сейчас они его

увидят и спросят, и придётся отвечать.

Четыре пары глаз уставились на зелёный камень.

Первым не выдержал Дима. Он поправил очки, наклонился и прищурился:

— Так. Я вижу кусок битого нефрита, тетрадь двадцатых годов и распечатку квеста. Алин, если ты решила открыть эзотерический салон, я сразу говорю: я не участвую. У меня аллергия на благовония.

— Никакой эзотерики. Это императорская печать эпохи Тан, прабабушка привезла её из Харбина. И она разбита на четыре части. — Алина ткнула пальцем в сколы. — Центральная у меня. Три остальных спрятаны. Вот здесь, — она разгладила распечатку, — карта, где искать первый.

Кира подалась вперёд и коснулась камня ногтем, осторожно, как трогают чужую жизнь.

— Настоящий, — сказала она тихо и посмотрела на Алину почти с испугом. — Алин, это настоящий нефрит. Я такие видела на выставке в нашем музее. Там была печать, только маленькая и целая.

— И сколько такое стоит? — спросил Макс уже без шутки.

Алина не успела ответить.

— Секунду, — Дима уже открыл ноутбук. Он искал минуты три, и лицо у него менялось. — Вот. Печать династии Тан, аукцион в Гонконге, два года назад. Целая. Это… — он снял очки и протёр их краем футболки, чего никогда не делал. — Это не три квартиры в Москве. Это больше.

За столом стало тихо так, что слышно было, как за стойкой шипит кофемашина.

Кира выдохнула:

— Ох.

— Вот и я про то, — сказала Алина. — Поэтому мне нужны вы. Одной нельзя ни звонить антикварам, ни ехать в станицу.

— Подожди, — Артём отставил чашку. Он смотрел на неё спокойно и слишком внимательно, и от этого взгляда Алина почувствовала себя человеком, у которого видны все карманы. — А зачем её собирать? Продать можно и по частям. Ты никогда не гонялась за деньгами. Что происходит на самом деле?

Здесь было прохладно, но у Алины вспыхнули уши.

Она могла сказать правду. Могла выложить всё: дневник, новеллу, вздох камня, слёзы над телефоном в три часа ночи. И тогда Артём, который не верил ни в гороскопы, ни в приметы, тихо и аккуратно предложил бы ей сходить к врачу. Кира бы заплакала. Макс бы пошутил, чтобы не молчать.

Она подняла глаза на Артёма.

Он не торопил. Держал чашку двумя руками и ждал, и в этом ожидании не было ни вызова, ни насмешки — только ровное внимание, от которого врать было труднее всего.

Играло радио, и за соседним столом смеялись.

Алина открыла рот и услышала собственный голос в голове: «Я читала книгу, и там умирает человек, и я собираюсь

пойти к нему».

Сказать это вслух было невозможно.

Она почувствовала, как язык выбирает слова попроще.

— Бабушка перед смертью просила собрать её обратно, — сказала Алина и тут же возненавидела то, как ровно звучит её собственный голос. — Это семейный долг. Прабабушка разбила печать не просто так, и бабушка тридцать лет не могла этого исправить. Она хотела, чтобы я закончила за неё.

Про маму она говорить не стала. Мама третий год жила в Краснодаре с новым мужем, звонила по дням рождения и присылала фотографии своей собаки, и в её жизни не было места ни харбинскому дневнику, ни разбитому нефриту, ни взрослой дочери, которая до сих пор не научилась жить одна.

Макс поставил стакан с лимонадом и вытер пальцы о салфетку.

— Значит, охота за сокровищами, — сказал он медленно. — Погони, старые тайники, карта на полях книги. Как в кино, только мы в главных ролях и без дублёров.

— Без дублёров, — подтвердила Алина. — И без полиции, если получится.

— Я в деле, — Кира хлопнула ладонью по столу так, что подпрыгнула ложка. — Во-первых, у меня кризис контента, и фотосессия в стиле расхитителей гробниц взорвёт мои соцсети. Во-вторых, я разбираюсь в антиквариате и отличу настоящий нефрит от пластмассы с рынка. В-третьих… — она вдруг перестала улыбаться и посмотрела на Алину про-

сто, без всякого блеска. — В-третьих, я не оставлю тебя одну с этим. Ты в последние месяцы сама не своя.

— Если едет Кира, еду и я, — тут же вскинул руку Макс. — Кто-то же должен вести переговоры с местным населением и отвлекать охрану своим непревзойдённым обаянием.

Все повернулись к Диме и Артёму.

Дима вздохнул, поставил очки на стол и обречённо произнёс:

— Ладно. Но при двух условиях. Первое: мы не нарушаем Уголовный кодекс. Совсем. Если начнётся что-то похожее на взлом, я разворачиваюсь и уезжаю. Второе: разведка по базам, навигация и техника на мне, чтобы вы не заблудились в трёх соснах и не перепутали музей с пивной.

— А ты, Тём? — тихо спросила Алина.

Артём допил кофе, поставил чашку на блюдце и едва заметно улыбнулся.

— Без моей «Нивы» вы до первой деревни не доедете. — Он помолчал и добавил, глядя ей прямо в глаза: — Только ты что-то не договариваешь, Алин. Я не знаю что. Когда захочешь — расскажешь.

Алина опустила взгляд на камень. Под кожей у неё что-то сжалось и отпустило, и она поняла, что благодарна ему за этот вопрос больше, чем за согласие.

Ей хотелось сказать правду.

Именно ему, сейчас, пока Макс выбирал пирожное, а Кира листала телефон.

Слова уже стояли в горле: дневник, камень, ночь, книга. Она даже приоткрыла рот.

Артём ждал.

И в эту секунду официантка поставила на стол счёт, и Макс потянулся за ним первым, и момент прошёл.

— Потом, — сказала Алина.

— Потом, — согласился Артём, и по его лицу было видно, что он запомнит.

— Дайте два часа, — сказал Артём, поднимаясь. — Закину в багажник инструменты, запаску, аптечку и ящик тушёнки.

— На всякий случай, — хором сказали Кира и Макс, потому что слышали эту фразу от него сто раз.

Алина улыбнулась. Впервые за три месяца ей не было одиноко.

Потом она достала телефон, положила перед Димой распечатку и придвинула к нему дневник.

— Первый шаг за тобой, — сказала она. — Нам нужно найти сундук, который нарисован на этой карте. И, если получится, сделать это раньше всех остальных.

Они вышли на улицу, и жара ударила в лицо.

Макс сразу начал спорить с Кирой, кто поедет на переднем сиденье. Дима ушёл вперёд с телефоном. Артём задержался на секунду, чтобы расплатиться.

Алина постояла на тротуаре, прижимая к груди рюкзак, в котором лежали дневник и камень.

Впереди был день, дорога и четыре человека, которые согласились ехать неизвестно куда.

Она сунула руку в карман, и камень под пальцами был тёплым.

Глава 4. Охота на «Авито», или Цифровой след

В квартире Димы пахло нагретой пылью и кофе. Два монитора светились в полутьме, под столом гудел системный блок, на подоконнике остывала кружка с плавающей в чае ложкой.

Алина положила на стол распечатку. Дима повернул лампу, накрыл лист стеклом и включил сканер.

— Скажем так, это калька из дневника, — пробормотал он. — Мне не нужно знать, откуда она на самом деле.

— Спасибо.

— Не благодари. Потом расскажешь.

Кира устроилась на диване с журналом, Макс — на подоконнике, Артём остался стоять у двери, будто в квартире мог оказаться кто-то ещё.

Алина села на край стула и положила руки на колени.

У Димы всегда было тесно от техники: провода, коробки от видеокарт, старый монитор на шкафу. Сейчас эта теснота казалась ей надёжной.

Она смотрела, как он водит мышью, и чувствовала себя человеком, который принёс в чужой дом беду и ждёт, когда её заметят.

Кира перелистывала журнал, но не читала.

Макс болтал ногой.

Артём стоял у двери, и от его молчания в комнате делалось спокойнее.

Дима отсканировал рисунок и запустил поиск по аукционам, музеям и доскам объявлений.

— Смотрим, — сказал он. — Орнамент специфический. Работа донских мастеров, конец девятнадцатого века, вставки из морёного дуба. Вещь редкая, но не музейная. Такое вполне может пылиться у кого-нибудь на чердаке.

— И как мы найдём его среди тысячи станиц? — спросила Кира, не поднимая глаз от журнала.

— Люди продают всё, — Дима ударил по клавише. — Особенно наследники, которым лень выносить хлам из старых куреней. Я задал поиск по ключевым словам и наложил нейросеть на сравнение контуров узора.

На экране пошли объявления. Сундуки, комоды, шкафы, самовары, чьи-то бабушкины сервизы.

— Новодел. Это вообще комод из ИКЕА. Это не то. — Он щёлкал быстро, почти не глядя. — Стоп.

Дима замер и увеличил фотографию.

Объявление опубликовали три часа назад в Старочеркасской, в сорока минутах езды от Ростова. Снимок сделали на старый телефон в полутёмном сарае, и всё на нём было мутным, кроме сундука. Тёмный дуб, тяжёлая крышка приоткрыта. Внутри, среди шерстяных платков и медных подсвечников, тускло поблёскивало нечто зелёное.

Алина наклонилась к экрану так близко, что увидела пиксели.

Камень с неровным сколом. Тот же цвет, тот же излом.

— Это он, — сказала она. Голос вышел сухим. — Звоним.

Камень в кармане куртки стал тёплым, будто тоже услышал.

Гудки тянулись долго. Алина считала их и на седьмом поняла, что не дышит.

— Семь, — сказала она вслух.

— Что? — обернулась Кира.

— Ничего. Считаю.

Кира пересела к ней на подлокотник и положила руку ей на колено.

Макс перестал болтать ногой.

Дима смотрел на неё, и в его очках отражался экран.

В трубке щёлкнуло.

— Алё? — Голос в трубке был скрипучий и недовольный, как дверь на сквозняке.

— Здравствуйте! Мы по объявлению, про старинный сундук в Старочеркасской. Он ещё не продан? Мы готовы приехать прямо сейчас и забрать без торга.

В трубке тяжело вздохнули.

— Опоздали вы, милочка. Двадцать минут назад забрали.

Сердце у Алины упало и покатилось вниз. Макс открыл рот, она показала ему кулак, и он закрыл.

— Простите… а кто забрал? Может, перекупщик? Мы го-

товы заплатить вдвое. Нам этот сундук очень дорог, он как две капли похож на наш семейный.

— Да какой перекупщик, — фыркнула женщина. — Приехал на чёрном джипе, номера московские. В костюме, будто с телевизора сошёл. Сундук осмотрел, донышко простучал, будто знал, где искать. Потом сунул мне пачку пятитысячных, закинул его в багажник и умчался в сторону трассы.

— В сторону Москвы?

— Да кто ж его знает. Уехал, и всё.

В комнате стало тихо. Дима смотрел на телефон, и на лбу у него блестели капли.

— А он ещё спросил, — вдруг добавила женщина, — не звонил ли кто по объявлению. Я говорю: нет, вы первый. Он усмехнулся и говорит: ладно, значит, ещё позвонят.

Алина медленно положила телефон на стол.

— Московские номера, — сказал Дима. — Заплатил втридорога за старый сарайный сундук.

— И знал, куда стучать, — добавил Артём.

Дима вдруг побледнел. Он снял очки, протёр их о футболку и посмотрел на Алину так, будто уже знал, что сейчас скажет самое плохое.

— Когда я прогонял фото осколка по закрытым каталогам восточного антиквариата, запрос ушёл через открытый шлюз. — Он сглотнул. — Если за печатью охотится серьёзный коллекционер, у него стоят маячки на любое упоминание. Мы сами дали ему наводку.

В кармане у Алины похолодело. Камень лежал там тяжёлым и холодным.

Она вспомнила, как женщина сказала «значит, ещё позвонят», и поняла, что сундук был не добычей. Сундук был приманкой.

Она сидела и смотрела на руки.

Пальцы были ледяные, и в горле пересохло.

Она принесла им это. Дневник, камень, карту. Четверо сидят сейчас в чужой квартире и смотрят на неё, и в их молчании уже появилось то, чего она боялась больше всего: расчёт.

— Алина, — сказала Кира. — Ты не виновата.

— Знаю, — сказала она, и это было вранье.

Человек в костюме уже знал: сундук искал не перекупщик. И что теперь он ждёт следующего звонка.

От этой мысли во рту стало кисло.

— Так, без паники, — Артём отошёл от двери. — Прошло двадцать минут. Он не мог уехать далеко. Макс, выведай у неё, куда именно он повернул и запомнила ли она номер.

Макс откашлялся, поменял тембр на солидный баритон и перехватил телефон.

— Уважаемая, вас беспокоит служба безопасности банка. — Пауза. — Шучу, не кладите трубку. Это внук той девушки, мы хотим вас отблагодарить. Скажите, а куда этот джентльмен повернул от вашего дома? В сторону Ростова или к переправе? И буквы номера, если запомнили…

Он слушал, кивая, и записывал на обороте распечатки.

— Ага. Ага. Спасибо, вы очень помогли.

Он отключился и поднял глаза.

— Номер не запомнила. Зато сказала, что уехал он не к Ростову, а на объездную, к старой дороге.

Артём уже взял ключи с полки.

— Выезжаем через полчаса.

— Полчаса? — Кира закрыла журнал. — Мне нужно домой, я даже не переобулась.

— Двадцать минут на сборы, — сказал Артём. — Потом я забираю вас всех, и мы едем.

Алина встала и посмотрела в окно. Во дворе кто-то выбивал ковёр, и пыль стояла в солнечном луче, как золотая муть. Человек в костюме сидел сейчас в машине с московскими номерами и точно знал, что за сундуком приедут не просто перекупщики.

Он не спешил. И это было хуже всего.

До дома она дошла пешком, потому что в маршрутке было душно, а ей хотелось идти и считать шаги.

Квартира встретила прохладой и запахом сандала, который так и не выветрился. Шкатулка лежала на паркете там, где её оставили, и в косом свете из окна было видно каждую потёртую чешуйку на перламутровом драконе.

Алина достала рюкзак.

Дневник она завернула в футболку, чтобы не помялся кожаный переплёт. Рядом легла распечатка с картой и баночка из-под крема, в которую она переложила остатки киновар-

ной пасты по рецепту, переписанному из дневника ещё днём. Потом она постояла над коллекционным томом «Пепла белой хризантемы» и всё-таки сунула его в рюкзак, к самому дну.

Объяснить это друзьям было бы трудно. Объяснить это себе она даже не пыталась.

Шкатулку она убрала обратно на антресоли, к советским открыткам и ключам от несуществующих замков. Руки помнили, как она снимала её накануне, и от этого движения у неё защипало в глазах.

Она постояла посреди комнаты, держа рюкзак.

В квартире было тихо.

Алина обошла комнату и проверила воду, газ и окно, как проверяют перед долгой дорогой.

На кухне стояли две чашки. Она вымыла свою и поставила рядом со второй.

Потом вернулась к фотографии.

На полке у зеркала стояла фотография: бабушка Вера в саду, в косынке, с черешней в подоле. Алина провела пальцем по стеклу, сняла пыль.

— Я вернусь, — сказала она вслух и сама услышала, как неубедительно это прозвучало.

Во дворе дважды коротко сигналила «Нива».

Алина взвалила рюкзак на плечо и вышла, стараясь не оглядываться на дверь.

Артём стоял у открытого багажника и молча взял у неё

рюкзак.

— Много взяла, — сказал он, ставя его рядом с ящиком тушёнки.

— Я не знаю, что нужно.

— Значит, взяла правильно.

Он захлопнул багажник, и они сели в машину.

Глава 5. По коням, господа авантюристы!

Через полчаса тёмно-зелёная «Нива» выехала из Ростова.

Багажник Артём собирал так, будто они уходили в плавание: две запаски, домкрат, ремкомплект, ящик с инструментами, аптечка, канистра воды и ящик армейской тушёнки. Макс предложил взять ещё гитару, но Артём посмотрел на него так, что гитара осталась дома.

Двор провожал их обычной жизнью.

У подъезда курил сосед с третьего этажа. На лавочке сидели двое стариков и смотрели на «Ниву» так, будто видели её впервые.

Артём обошёл машину кругом, попинал колёса, проверил, плотно ли закрыт багажник.

Алина стояла у борта и держала рюкзак на весу, будто не решалась отдать.

— Что? — спросил Артём.

— Странно. Выехать и не знать, когда вернёшься.

— Вернёшься, — сказал он так просто, что она сразу поверила.

На заднем сиденье стало тесно. Между Алиной, Кирой и Максом высились рюкзаки, тубус с картами и кейс с квадрокоптером. Дима сел вперёд, поставил ноутбук на колени и

объявил себя штурманом.

— Докладываю, — сказал он, поправляя очки. — Бабуля оказалась с орлиным зрением. Номер не запомнила, зато запомнила модель: чёрный «Ленд Крузер» с московскими номерами. По камерам, к которым я получил временный доступ в образовательных целях, машина на Москву не пошла. Дальше дыра: на старой дороге камер нет. Так что половина маршрута у меня — догадка.

— Зачем ему туда? — Кира полезла в сумку за зеркальцем, но на первой же кочке передумала. — Артём, ты можешь объезжать ямы?

— Это донские степи, Кир. Здесь ямы — элемент ландшафта. — Артём вписался в поворот так, что никто не заметил, как он это сделал. — А в Каменске-Шахтинском, если я не ошибаюсь, самый крупный в области перевалочный пункт антикваров. Он поехал туда оценивать находку.

Алина смотрела в боковое стекло. За домами поднимались золотые поля подсолнухов, небо было синее и пустое, как в августе, и впервые за три месяца ей не хотелось оглядываться назад.

Шкатулку она оставила на антресолях, между открытками и ключами, закрыла и сказала себе, что вернётся.

В рюкзаке лежали дневник, книга и куртка. В кармане куртки — камень.

Перед выходом она обернулась на окна.

На третьем этаже была приоткрыта створка, и занавеска

висела неподвижно.

Куртка пахла квартирой: сандалом и пылью.

Она подумала, что если не вернётся, то в квартире всё останется как есть, и от этой мысли ей стало холодно.

Она достала распечатку и разгладила её на колене.

— Или он не знает про двойное дно, — сказала она. — Послушайте. Прабабушка пишет: «Осколок спрятан в тайнике под нижней доской, но замок откроется только тому, кто знает пароль». Если москвич решил, что камень просто лежал среди тряпок, он мог осмотреть сундук, ничего не найти и решить, что его обманули.

— Гениально, — восхитился Макс и хлопнул её по плечу. — Тогда он выкинет сундук, а мы его подберём. Я уже вижу постер. Пятеро смелых ростовчан против московской мафии.

— Если мы встретим московскую мафию, нам понадобится не постер, а хороший адвокат, — буркнул Дима, но в голосе у него уже не было прежнего занудства.

Азарт погони захватил даже его.

Машина шла на север под старый русский рок из магнитолы. За окнами тянулись поля, лесополосы, редкие станицы с белыми хатами и колодцами под жестяными крышами. Пахло полынью, и он забирался в салон через приоткрытое окно.

Дима не отрывался от ноутбука.

— Есть, — говорил он, щёлкая по карте. — Новочеркасск.

Свернул. Потом на развилке камера поймала чёрный джип, и я поставил на него.

— А если не он? — спросил Артём.

— Тогда я поставил не на того, — сказал Дима и через минуту выругался. — Не он. Тот ушёл на Миллерово. Час двадцать мы смотрели не туда.

Артём посмотрел в зеркало и ничего не сказал.

— Тогда Каменск, — сказал он наконец. — Дальше ему некуда.

Алина приложила голову к прохладному стеклу и сунула руку в карман. Нефрит больше не обжигал. Он вибрировал ровно и тепло, как стрелка компаса, которая наконец поймала нужное направление.

Она закрыла глаза. Сквозь шум мотора и спор Макса с Кирой о том, чей плейлист ставить, ей на секунду почудился другой звук: сухой шелест, будто по стеклу провели веткой.

Бамбук.

— Держись, — прошептала она одними губами, сжимая камень в кулаке. — Я уже в пути.

— Ты что-то сказала? — Кира повернулась к ней.

— Нет. Молилась.

— За нас?

— За одного человека.

Кира хотела спросить, но что-то в лице Алины её остановило, и она только крепче прижалась плечом.

На заправке под Миллерово они остановились, чтобы

взять воды и кофе.

Алина вышла размять ноги и увидела у третьей колонки чёрный внедорожник.

У неё сжалось в груди так резко, что она схватилась за дверцу.

— Макс, — позвала она тихо.

Макс проследил за её взглядом и сразу перестал шутить. Он поправил футболку, нацепил на лицо безразличие и пошёл к магазинчику, будто ему нужна была жвачка.

Вернулся он через минуту и сунул ей в руку холодную бутылку.

— Семья, — сказал он. — Двое детей, бабушка, собака. Едут в Воронеж. Номера ростовские, Алин. Просто машина похожа.

Она кивнула и сделала вид, что пьёт.

Руки дрожали.

— Я не думала, что буду так бояться, — сказала она.

— Я тоже, — признался Макс без обычной ухмылки. — Но это ничего. Страх он как тушёнка. Пока в банке, можно ехать.

Она взглянула на его руки.

Макс держал бутылку так, что костяшки побелели.

— Ты тоже боишься.

— Я артист, — сказал он. — Я боюсь красиво.

Мимо прошла фура, и на секунду всё заложило шумом.

У третьей колонки чёрный внедорожник уже заправлялся,

и из него вышла женщина с ребёнком на руках.

Алина смотрела на неё и считала выдохи.

Кира вышла из магазина с пакетом, в котором было три вида печенья и ни одной бутылки воды.

— Что? — спросила она. — Я волнуюсь.

— Значит, так, — Макс развернулся в кресле, насколько позволял ремень. — На рынке нужны роли.

— Какие роли? — спросил Дима, не поднимая головы.

— Мы не можем приехать туда пятерыми и хором спросить про сундук. Это как табличка на лбу. — Макс загнул палец. — Мы с Кирой изображаем столичную пару, которая ищет винтаж для лофта. Артём и Дима прочёсывают дальние ряды, у них лица людей, которым можно продать что угодно. Алина стоит в стороне с камнем и слушает, куда его тянет.

— Я не буду ничего изображать в этих кедах, — сказала Кира. — Они после дождя.

— Ты будешь изображать богатую женщину, которой всё равно, как она выглядит. Это лучшая роль в твоей жизни.

Кира задумалась.

— Ладно.

— Только не переигрывай с московским говором, — сказал Дима. — Здесь за фальшивое «аканье» цену задерут втрое.

— Обижаешь. Станиславский бы рыдал.

— Станиславский бы уехал на первой кочке.

Артём негромко хмыкнул.

Алина смотрела на распечатку и не видела её.

— Если сундук уже у другого хозяина, мы не отбираем, — сказал Артём. — Мы покупаем. Я не хочу, чтобы нас потом искали за разбой.

— У нас нет денег, — сказала Алина. — У нас двадцать тысяч на бензин и еду.

— Значит, торгуемся, — сказала Кира. — Я торгуюсь лучше всех в нашей семье. Мама до сих пор вспоминает, как я сбила цену на выпускное платье вдвое.

— Это потому, что ты грозилась уйти в другом платье, — сказал Макс.

— Именно.

Алина слушала их и чувствовала, как в горле становится тесно.

Где-то на этом рынке, в чужом багажнике, лежал камень, от которого зависело, откроется ли дверь. Она ехала спасать человека с командой, у которой двадцать тысяч на бензин и один ящик тушёнки.

— Алин, — тихо позвал Артём. — Ты только не начинай думать, что всё зависит от тебя одной.

— А если зависит?

— Тогда мы всё равно поедем рядом.

Она отвернулась к окну и увидела в стекле их отражения.

Артём с руками на руле. Дима, склонившийся над ноутбуком. Кира, которая жевала печенье и крошила его на колени. Макс, развернувшийся назад, чтобы что-то сказать.

Пятеро в машине, у которой двадцать тысяч на бензин.

Она подумала, что если бы могла выбрать себе людей, то выбрала бы этих, и что сказать им об этом вслух не сможет никогда.

Когда они снова тронулись, Дима поднял голову от ноутбука.

— Метка не двигается, — сказал он. — Стоит где-то в районе рынка. Уже сорок минут.

— Значит, он ещё там, — сказал Артём.

— Значит, мы можем успеть, — сказала Алина.

Камень в её кармане стал ледяным.

Она сжала его в кулаке и подержала, пока не согрелся.

— Всё в порядке? — спросил Дима, не оборачиваясь.

— В порядке.

Она не сказала об этом друзьям.

Глава 6. След на «Поле чудес», или Как не заговорить на московском

К полудню «Нива» вкатилась на окраину Каменска-Шахтинского, и жара здесь оказалась гуще, чем в Ростове. Степной ветер гонял по обочинам сухую пыль, пахло полынью и горячей резиной.

Рынок начинался сразу за железнодорожными путями. Пустырь, ряды клеёнок прямо на земле, ящики, табуретки, тенты из старых простыней. Продавали всё: ржавые гаечные ключи, фарфоровых слоников, патефоны, самовары, гнутую мебель, чьи-то ордена в коробке из-под обуви. Над рядами пахло жареными пирожками, машинным маслом и пылью.

Алина стояла в тени акации и смотрела на ряды.

Здесь всё лежало вперемешку: чугунные утюги, детские санки, радиоприёмники с выломанными ручками. Люди ходили медленно, торговались лениво, и никто не спешил.

От жары у неё стучало в висках.

Она вдруг почувствовала себя чужой на этой площади: слишком много глаз, слишком много открытых дверей.

И ей казалось, что все смотрят на её карман.

Алина шагнула из-под акации, и камень в кармане куртки, холодный с самой заправки, вдруг отозвался слабым теплом.

— Так, боевой расчёт, — сказал Макс, нацепив тёмные

очки. — Место людное, толпой светиться нельзя. Работаем парами. Кира со мной: мы молодая столичная пара, ищем винтаж для лофта. Артём с Димой прочёсывают дальние ряды. Алина на связи, следит за печатью.

Макс подал Кире руку.

Они ушли в ряды. Артём с Димой двинулись вдоль путей, и Алина осталась в тени акации у входа.

Камень в кармане вёл себя как живой. Он не обжигал, но внутри него словно перекатывался тёплый комок, и каждый раз, когда Алина поворачивалась в сторону восточных рядов, тепло становилось сильнее.

Она пошла вдоль рядов, держа руку в кармане.

У восточного края, где торговали старьём с чердаков, оно усиливалось.

Алина считала шаги, чтобы не думать.

На двенадцатом шаге оно стало ровным, и она остановилась.

Перед ней на клеёнке лежали медные подсвечники, старые фотографии в рамках и чей-то выпускной снимок с обрезанными краями.

Чужой дом, распроданный по частям.

Она достала телефон.

Глава, которую она дочитала вчера до точки, сегодня выглядела иначе. В конце, после последней реплики, стояло новое предложение. Оно было набрано тем же шрифтом, что и весь текст, но Алине показалось, что буквы чуть темнее.

«В холодной темноте пещеры ему вдруг почудилось тихое, незнакомое тепло, словно чья-то ладонь коснулась его лба и обещала, что он не умрёт здесь один».

Алина прочитала это трижды.

Вчера она плакала над этой страницей и прижимала к ней ладонь. Сегодня в книге появилась ладонь.

Она смотрела на экран и не могла оторваться.

Вчера этой фразы не было. Алина помнила вчерашнюю страницу наизусть, потому что читала её ночью, при одной лампе, и перечитывала дважды.

Значит, автор дописал.

Значит, кто-то сидит сейчас в другом городе и правит текст, и этот кто-то, может быть, тоже не спит.

А может, никто ничего не правит, и это она сама вчера прижала ладонь к странице, и книга запомнила.

От этой мысли стало горячо в груди, и она прикусила губу, чтобы не заплакать посреди рынка.

— Глупость, — сказала она вслух. — Автор правит текст. Авторы всегда правят текст.

Руки у неё дрожали. Она прижала телефон к груди, как держат чужое письмо.

— Потерпи ещё немного, — прошептала она. — Я уже близко.

В глубине рынка разворачивался спектакль.

Макс и Кира остановились у прилавка с резной мебелью. За прилавком сидел мужчина в майке и соломенной шляпе

и лениво обмахивался газетой. Рядом с его табуреткой стоял тот самый сундук: потемневший морёный дуб, тяжёлая крышка, знакомая резьба по углам.

— Милый, посмотри на фактуру, — громко сказала Кира, всплеснув руками. — Настоящий прованс с нотками донского барокко. Идеально встанет в нашу студию на Патриках.

Макс солидно кивнул, поправил воображаемый галстук и небрежно махнул рукой:

— Любезный, сколько просите за этот раритет? Нам для фотозоны, берём без торга.

Торговец прищурился, посмотрел на кроссовки Макса, на выгоревшую футболку, потом сплюнул шелуху в сторону.

— Слышь, «Патрики», ты бы хоть ростовский говор спрятал, когда москвича из себя корчишь. — Он сложил газету. — Сундук этот мне полчаса назад один серьёзный человек в пиджаке оставил. Перевернул, обстучал, ругнулся, что внутри пусто, и отдал за полцены. Только попросил запомнить того, кто за сундуком приедет, и сказать ему, что сам он поехал на восток. Денег за это дал больше, чем за сундук.

Макс засмеялся было, но осёкся.

В соседнем ряду мужчина в серой футболке неторопливо сложил газету, поднялся с ящика и пошёл к выходу, не оглядываясь.

На секунду на лице Макса не осталось ничего артистического.

Спина уходившего была самой спокойной спиной на этом

рынке.

Алина провожала его взглядом, и руки стыли, хотя стояла жара.

Он не бежал. Он шёл так, будто ему здесь больше нечего делать.

Это было хуже, чем если бы он бежал.

— Ладно, батя, раскусил, — быстро сказал Макс, и голос у него стал другим. — Свои мы, с Пушкинской. Нам не сундук нужен, а то, что в нём лежало. Камушек зелёный не попадался? Мы с девчонкой поспорили, бабушкина брошка туда закатилась.

Продавец почесал затылок под шляпой.

— Камушек? А, стекляшка эта мутная. Вывалилась из-под нижней доски, когда я его выгружал. Я её племяннику отдал, Сеньке. Он у меня парень творческий, мечи деревянные строгает. Сказал, для костюма в самый раз.

Алина подошла и положила ладонь на крышку сундука. Дерево было тёплым от солнца и гладким там, где его держали руки. Камень в её кармане молчал.

— А где сейчас Сенька? — спросила она.

— Да на электричку ускакал. — Продавец махнул рукой в сторону путей. — У них там сегодня в Воронеже сходка этих… как их… ряженых. Фестиваль, во.

Алина убрала руку с крышки.

Ей вдруг стало смешно.

Она собиралась в другой мир спасать человека, а главный

ключ уехал в Воронеж на электричке, в кармане у мальчика, который строгает деревянные мечи.

Она засмеялась, и Макс взглянул на неё с тревогой.

— Ты чего?

— Ничего, — сказала Алина. — Просто всё это очень похоже на нас.

Над рынком висел горячий воздух, пахло пылью и пирожками, где-то за рядами смеялся ребёнок. Всё было обычным, кроме того, что осколок императорской печати уехал в другой город на электричке, у восемнадцатилетнего парня, который принял его за стекляшку.

Они вернулись к машине, и Макс выложил всё разом, перебивая сам себя.

Дима слушал, не поднимая головы от ноутбука, и вдруг развернул экран.

— Вот. Камера на въезде, полдень. — На снимке чёрный «Ленд Крузер» стоял в тени акаций. — А теперь смотрите сюда. — Он переключил кадр. — Тот же номер, и время на часах — двадцать минут назад.

— Он не уехал на восток, — сказал Артём.

— Он ждал, кто приедет, — сказала Алина. — Ему не нужен был сундук. Ему нужно было посмотреть на нас.

Дима закрыл ноутбук.

— Тогда у нас проблема. Он видел всех. И машину видел.

Артём оглядел ряды и ничего не ответил. Только поправил ремень на плече и пошёл к водительской двери.

Алина обернулась.

В конце рынка, у водонапорной башни, стоял чёрный «Ленд Крузер». За стеклом сидел человек, и она не сразу поняла, что он смотрит именно на неё.

Она не смогла сдвинуться с места.

Человек за стеклом не махал рукой, не сигналил, ничего не делал.

Просто смотрел.

Алина заставила себя отвернуться первой.

Глава 7. Сундук уехал, камень уплыл

В машине молчали, пока «Нива» не выбралась с пустыря на асфальт.

Первым не выдержал Макс.

— Ну и что теперь?

— Воронеж, — сказал Дима, глядя в навигатор. — Пятьсот пятьдесят километров. По трассе часов семь, если не встанем под Лосево.

— Выезжаем сейчас, — сказала Алина.

— Подождите. — Артём притормозил у обочины и повернулся к ним. — Тот, на «Крузере», не дурак. Он оставил сундук, чтобы посмотреть, кто приедет. Значит, он знает, что мы ищем. И нашу машину он записал.

— И что? — спросила Кира.

— А то, что он может вернуться к продавцу и спросить про племянника. А потом поехать в Воронеж быстрее нас.

— Значит, надо быть там раньше, — сказала Алина.

— По трассе мы его не обгоним, — сказал Артём. — Я поеду старой дорогой, через станицы, вдоль Дона. Асфальт местами кончается, зато короче километров на восемьдесят, и камер там нет.

— И тряска, — сказала Кира.

— И тряска.

Кира помолчала и кивнула.

— Ладно. Но если мы приедем туда в джинсах и футболках, нас даже на порог не пустят. — Она достала зеркальце, посмотрела на себя и закрыла. — Фестиваль — это сцена. На сцену не выходят в чём попало.

— У меня есть реквизит, — оживился Макс.

— У тебя есть шляпа, — сказала Кира. — Легенду я придумаю сама.

Артём включил поворотник и вывел машину на старую дорогу.

Асфальт здесь был латаный, с трещинами, из которых росла трава, и по обочинам стояли белые хаты под жестяными крышами. Через окно тянуло полынью и пылью, и Алина вдохнула этот запах.

Она глядела на обочину.

За хатами тянулись огороды, за огородами — сухая трава до горизонта. Изредка проезжала встречная машина, и на секунду в салоне становилось светлее.

Человек в «Крузере» видел их машину.

Не лица. Номера. И этого хватало, чтобы узнать о них всё: город, улицу, район.

— Артём, — сказала она. — А если он пробьёт номер?

— Он его и так записал. — Артём не повернул головы. — Ничего нового он не узнает.

— А если узнает адрес?

— Тогда мы будем быстрее.

Он сказал это спокойно, как говорят о погоде, и Алина почему-то успокоилась.

Камень в кармане молчал. Она уже поняла, что это значит: рядом ничего нет.

Дима не отрывался от ноутбука.

— Дайте минуту, — бормотал он. — Если он выложил костюм перед выездом, он выложил и билет, и тег фестиваля… — Он замолчал. — Нашёл.

Он развернул экран к заднему сиденью.

На фотографии стоял парень лет восемнадцати, худой, с длинной чёлкой, в синем ханьфу. Он держал деревянный меч, вырезанный грубо, но с любовью, и улыбался так, будто держал не меч, а весь мир. В центре гарды, залитый прозрачной смолой, тускло поблёскивал зелёный осколок.

Алина подалась вперёд и стукнулась плечом о спинку сиденья.

— Это он. Он вклеил камень в рукоять.

Подпись под фотографией гласила: «Еду разносить Воронеж! Меч Небесного Дракона готов!»

— Смотрим на время, — сказал Дима. — Сорок минут назад. И смотрим на комментарии.

Под фотографией висел один свежий комментарий с пустого аккаунта, без аватарки и без имени.

«Хороший меч, парень. Буду на фестивале к вечеру, куплю за пятьдесят тысяч. Никому не продавай».

Макс перестал жевать.

Дима увеличил комментарий, будто от этого можно было узнать больше.

— Аккаунт пустой, — сказал он. — Создан вчера.

— Вчера, — повторила Кира.

— Вчера вечером. В двадцать три сорок.

Алина вспомнила вчерашний вечер: набережную, огни теплоходов, камень в кармане и своё сообщение в комментариях.

Она написала его в три ночи. А кто-то создал аккаунт в двадцать три сорок и пошёл искать мальчика с деревянным мечом.

— Он не просто охотится, — сказала она. — Он готовился.

— Кто готовится к деревянному мечу? — спросил Макс.

— Тот, кто знает, что в нём лежит.

В машине стало тихо.

— Пятьдесят тысяч за деревянную палку, — присвистнул Макс.

— Он знал про Сеньку раньше нас, — сказала Алина. — Он ещё на рынке выспросил у продавца, куда делся камень. И оставил сундук, чтобы посмотреть на нас. А потом спокойно сел в машину и написал мальчику, что купит.

— Значит, Сенька его ждёт, — сказал Артём.

— Значит, Сенька не продаст нам меч, — сказала Кира.

— Продаст, если мы приедем первыми.

Артём посмотрел в зеркало и прибавил скорости.

— У нас пять часов по этой дороге. У него те же пятьсот километров по трассе, но машина быстрее.

— Тогда придумаем, как забрать меч без гонки, — сказала Кира. — На фестивале толпа. В толпе можно подойти к человеку и просто с ним поговорить.

— И чем ты ему заплатишь? — спросил Дима.

— Собой, — сказала Кира. — Я фотограф, а он мальчик в костюме, который сам вырезал меч. Ему нужны не деньги. Ему нужно, чтобы его заметили.

Алина смотрела на неё.

Кира сидела, поджав ноги, и в её лице было что-то, чего Алина давно не видела: не весёлая злость, а спокойная уверенность человека, который знает, что делает.

— Ты правда думаешь, что сможешь просто подойти и поговорить?

— Я три года снимаю людей, Алин. — Кира пожала плечами. — Мальчику в костюме нужно, чтобы кто-то сказал, что его меч красивый. За это он отдаст его сам.

— А если не отдаст?

— Тогда я скажу, что он красивый, ещё раз.

Алина обернулась к ней.

— Что ты придумала?

— Пока ничего. Но к вечеру придумаю.

За окном пошли поля, потом лесополосы, потом снова поля. В салоне пахло пылью и тушёнкой, Макс уснул, уронив

голову на рюкзак, и Кира прикрыла его курткой.

Камень не отзывался.

Через час Артём глянул в зеркало и сказал:

— Чёрный джип отстал.

— Точно? — Дима обернулся.

— Она осталась на повороте у Старой Станицы. Дальше за нами никто не идёт.

Алина выдохнула.

Она не знала, что это значит: то ли они оторвались, то ли их просто перестали считать опасными.

Дима дремал над ноутбуком. Кира подвинулась к Алине так, что их плечи соприкоснулись.

— Ты весь день держишься за карман, — сказала она тихо.

— Там камень.

— Я не про камень. Я про то, как ты держишься.

Алина глядела в окно, на тёмную степь, в которой изредка проплывали огни хуторов.

— Если я расскажу, ты решишь, что я сошла с ума.

— Я решила это ещё в кофейне, — сказала Кира. — И всё равно поехала.

Алина повернула голову. Кира смотрела на неё без улыбки, и в её глазах было то, чего Алина боялась больше всего: не насмешка, а готовность поверить.

Ей хотелось сказать: да, я сошла с ума, и я боюсь, и я еду спасать человека, которого нет.

Вместо этого она смотрела на руки.

— Кир.

— М?

— Если я попрошу тебя поехать со мной, ты поедешь?

Кира повернула голову.

— Куда?

— Я не знаю. Правда не знаю.

Она ждала, что Кира засмеётся или спросит, не напилась ли она.

Кира ничего не спросила.

— Поеду, — сказала она.

— Даже если я скажу, что это не в Воронеж?

— Даже тогда.

— Я потом расскажу, — сказала Алина. — Когда сама пойму.

— Ладно. — Кира откинулась на спинку. — Я умею ждать. Я, между прочим, три года ждала, пока ты со мной познакомишься.

— Мы познакомились на первом курсе.

— Ты меня не помнишь, — с достоинством сказала Кира. — Я стояла с анкетой, а ты прошла мимо и сказала: «Извините, я на пару опаздываю».

Алина вдруг засмеялась, тихо, чтобы не разбудить Макса.

Впервые за весь день ей стало легче.

До Воронежа оставалось ещё часа четыре.

Алина вглядывалась в темноту за стеклом и думала о

мальчике в синем ханьфу, который где-то там, впереди, держит деревянный меч, а в рукоять ему залит осколок императорской печати.

Он не знал, что держит.

Он думал, что это стекляшка, красивая и зелёная, и что вечером за неё дадут пятьдесят тысяч, и что это лучший день в его жизни.

Камень в кармане молчал.

Глава 8. Дорожное безумие и тушёнка на капоте

Первые три часа прошли легко.

Артём вёл «Ниву» по старой дороге, объезжая ямы так, будто знал каждую наизусть. Дима каждые десять минут проверял страницу Сеньки и докладывал, что тот сидит в электричке, жуёт сосиску в тесте и пока ничего не продаёт.

— Живой, — говорил он. — И, судя по фотографии, довольный.

— Дай посмотреть, — просила Кира.

— Не дам. Ты и так весь его профиль наизусть выучила.

Макс спорил с магнитолой о музыке, а Алина глядела в окно.

За окнами шли станицы. Белые хаты под жестяными крышами, виноград на изгородях. Всё это было похоже на чужое детство, и от этого почему-то тянуло домой.

Алина глядела на станицы и ловила себя на том, что ищет глазами знакомое.

Здесь всё было как в её детстве, хотя она никогда не жила в станице. Те же колодцы, те же лавки у калиток, те же старухи в платках.

Бабушка Вера родилась в такой же станице под Старочеркасской и уехала в город в восемнадцать лет.

Алина знала это из одной фразы, сказанной мельком, и никогда не спрашивала больше.

Теперь ей хотелось спросить.

Но спрашивать было некого.

Камень в кармане молчал.

На четвёртом часу солнце начало клониться к горизонту и окрасило степь в цвет старого мёда. А потом на западе выросла стена тучи, и в ней вспыхнула молния.

— Ой, — сказала Кира.

Дождь обрушился сразу, будто где-то наверху выдернули затычку. Дворники не справлялись, дорога за минуту сделалась скользкой и чёрной, и «Ниву» повело.

Артём выкрутил руль, двигатель взвыл, машина дёрнулась и с глухим чавканьем встала.

— Приехали, — сказал Артём и выключил зажигание. — Сели на мосты.

В салоне стало тихо. По крыше лупило так, что приходилось повышать голос.

— Ну великолепно, — сказала Кира. — У меня белые кеды. Я в эту грязь не выйду, даже если мне заплатят пятьдесят тысяч.

— Никому не придётся, кроме нас, — сказал Макс, натягивая дождевик, который Артём достал из багажника. — Дим, ты на связи. Алина, чай. Мы сейчас подложим ветки и вытолкаем.

— Вдвоём вытолкаете? — спросила Алина.

— Вдвоём, — сказал Артём.

Он посмотрел на неё в зеркало, и она поняла, что спорить бесполезно.

Они вышли. Дверь хлопнула, и сразу стало слышно, как вода гуляет по земле.

Алина достала термос и налила чай в крышку. В стекло было видно, как двое в дождевиках уходят к лесополосе, светя фонариком, и как дождь прибивает его луч к земле.

Кира сидела тихо минут пять, потом достала телефон и начала снимать.

— Что ты делаешь?

— Контент.

— Кира.

— А что мне, плакать? — Кира посмотрела на неё, и глаза у неё были мокрые, хотя она этого не хотела. — Мы сидим в поле, ночью, в грозу, и я не знаю, куда мы едем. Я даже не знаю, зачем. Ты сказала: семейный долг. Ладно. Только не ври мне, что тебе это всё не страшно.

— Мне страшно, — сказала Алина.

Кира отвернулась к окну.

— Тогда ладно, — сказала она. — Тогда я снимаю.

Алина смотрела на её затылок и на телефон, который дрожал в руке.

— Кир.

— Не надо меня успокаивать. Я не за этим ехала.

— А за чем?

Кира помолчала.

— За тобой, — сказала она. — Ты же знаешь.

За стеклом дождь шёл стеной, и в его шуме не было слышно, как Алина выдохнула.

Дима не выдержал через двадцать минут.

— Я не могу сидеть, — сказал он, распахнул дверь и шагнул в воду.

— Ты в кроссовках! — крикнула ему вслед Алина.

— И что?

Кончилось это тем, что он потерял в грязи один кроссовок.

Макс, увидев это, хохотал так, что у него кончился воздух, и упал коленями в лужу. Артём не смеялся, но, когда наклонился подобрать ветку, плечи у него ходили ходуном.

Машина вышла из колеи с третьей попытки.

Дождь стих так же внезапно, как начался, и над степью встали две радуги, одна над другой, бледная и яркая.

Все пятеро стояли на обочине и молча смотрели на них, грязные, мокрые, живые.

У Алины промокли плечи и волосы, а во рту остался вкус дождя.

Дима держал мокрый кроссовок в руке, как трофей.

Макс вытирал лицо рукавом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.